

УДК 947.083

Шевченко И.А.¹

ФОРМЫ ТРЕЗВЕННОЙ БОРЬБЫ ВЕЛИКОРУССКОГО КРЕСТЬЯНСТВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

*Липецкий государственный педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского*

Shevchenko I.A.

**FORMS OF STRUGGLE TEMPERANCE GREAT RUSSIAN PEASANTRY
IN TO THE XIX-XX CENTURIES**

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University

Реферат: *Статья посвящена анализу различных форм трезвеннической борьбы великорусского крестьянства в конце XIX – начале XX века. В деревне общинные ценности в рассматриваемый период продолжали удерживать крестьян от массовой алкоголизации, предотвращая нравственное и хозяйственное разложение сельских обывателей. Тем не менее, модернизационные процессы в России, главным образом, усиление контактов города и деревни, ставили перед крестьянством новые вызовы, в том числе и в сфере потребления спиртного, на которые сельские жители искали свои ответы. Борьба с пьянством в долгосрочной перспективе заключалась в распространении образования в деревне, знакомстве ее с различными культурными достижениями. В ближайшей перспективе желание избавиться от алкогольных соблазнов выражалось в принятии решения о закрытии на территории села питейного заведения, или же в коллективном или личном полном отказе от употребления спиртных напитков навсегда или на какой-либо конкретный промежуток времени.*

Ключевые слова: *алкоголь, борьба за трезвость, пьянство, деревня, великорусское крестьянство, винная монополия.*

Abstract: *This article analyzes the various forms of struggle temperance Great Russian peasantry in the late XIX - early XX century. In the village community values in the period under review continued to hold the mass of peasants from*

¹ Шевченко Иван Александрович – кандидат исторических наук, ассистент кафедры отечественной и всеобщей истории Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского.

alcohol abuse, preventing the moral and economic expansion of the rural inhabitants. However, the processes of modernization in Russia, mainly strengthening the towns and villages of contacts, put before the peasantry, new challenges, including in the area of alcohol consumption, which the villagers were looking for their answers. The fight against alcoholism in the long run was the spread of education in the village, her familiarity with different cultural achievements. In the short term, the desire to get rid of the temptations of alcohol expressed in the decision to close in the village pub, or in a collective or individual complete rejection of the use of alcoholic beverages for all or any specific period of time.

Key words: *alcohol, the struggle for sobriety, alcoholism, village, Great Russian peasants, wine monopoly.*

Борьба за трезвость – это процесс, который во все времена довольно точно характеризует важнейшие показатели жизни страны, а именно: экономическую и социальную политику государства, степень консолидированности и зрелости различных общественных сил и групп. Представляется особенно важным проанализировать трезвеннический потенциал большинства населения Российской империи в рассматриваемый период - крестьянства (по данным переписи населения 1897 года крестьяне составляли 77,1% населения страны) [17, с. 219].

Главным инструментом борьбы за трезвость, который находился в арсенале великорусской деревни на рубеже XIX–XX вв., являлась возможность составления приговоров сельских обществ о закрытии в пределах усадебной осед-

лости мест продажи крепких спиртных напитков. Это право не являлось безусловным – после введения винной монополии принимаемые крестьянами решения одобрялись или отклонялись губернскими управляющими акцизными сборами по согласованию с губернаторами. Отклонение приговора о закрытии в селе винной лавки имело место в том случае, если чиновниками обнаруживалось, что крестьяне планировали заменить казенное питейное заведение шинком [5].

Между тем возможность сельских обществ самостоятельно решать судьбу питейного заведения их территории было одним из самых эффективным средств антиалкогольной борьбы еще до утверждения казенной продажи питей. Так, в 1892–1894 годах в России были составлено около 40 тысяч

запретительных приговоров [8, с. 6].

Масштабы такого приговорного движения не уменьшались и в начале XX века. По словам депутата Государственной думы третьего созыва М.Д. Челышева, в 1904 году сельскими обществами было составлено 34 тыс. приговоров о закрытии питейных заведений на их территории [3, стб. 649].

Однако, по многочисленным свидетельствам современников и даже официальным данным, далеко не все приговоры утверждались властями. Члены Комиссии по вопросу об алкоголизме при Русском обществе охранения народного здравия еще в 1898 году отмечали, что «приговоры сельских обществ сплошь не утверждаются начальством» [13, 43-44].

В апреле 1908 года 193 депутата Государственной думы подписались под предложением ликвидировать питейную торговлю в селах и сосредоточить «места продажи крепких напитков исключительно в городах». Значительное число подписантов составляли крестьяне, утверждавшие следующее: «Прожив всю жизнь в деревне и зная ее нужды и нравы, крестьяне-депутаты единогласно утверждают, что не прирожденные привычки к вину и органическая потребность в нем, а лишь легкая возможность

достать его из разбросанных по селениям винных лавок и шинков доводит часто сельское население до разорения и нищеты, уменьшая его платежную способность и создавая неоплатную недоимочность» [22, с. 70-71]. Тем не менее, даже министр финансов П.Л. Барк в 1914 году на заседании Государственного совета сообщал, что на 1 мая указанного года в министерство поступило 811 приговоров сельских обществ о закрытии винных лавок, из которых были удовлетворены 208, то есть почти только четверть [6, с. 515].

Как правило, чиновники Министерства финансов аргументировали свое критическое отношение к запретительным приговорам крестьян опасениями, что место закрытой казенной винной лавки в селе займет шинок, в котором спиртное продавалось бы без всяких ограничений.

В действительности, по отзывам современников, дело обстояло таким образом, что чем дальше от села находилась казенная винная лавка, тем меньше было шансов у шинкарей развернуть свою активность. В прошении о закрытии казенной винной лавки, адресованном Министру финансов советом Сергиевского братства трезвости и взаимопомощи села Толстых Веневского уезда Тульской губернии, говорилось: «Близость шинка – со-

блазн для мужика, близость казенной лавки – соблазн для шинкарки, давая ей всегда возможность без труда и затрат времен заpastись вином» [16, л. 151]. Тем не менее, стоит полагать, что в массе своей приговоры крестьян соответствовали их желаниям ограничить потребление спиртного в рамках мест проживания.

Чрезвычайно любопытны сообщения о том, в какой обстановке на сельских сходах обсуждались вопросы существования в селе питейного заведения. Имели место такие случаи, как в Олонецкой губернии: «Один крестьянин просил сельское общество разрешить ему питейное заведение и за согласие предложил 20 рублей. Тогда другой крестьянин предложил 40 своих рублей, если не дадут разрешение» [8, с. 6]. Анкетный опрос в селах Уфимской губернии давал характерные отзывы: «Так говорят: если при закрытии винных лавок уменьшится доход правительства, то мы согласны уплачивать большую подать» [15, с. 9].

Еще одним мощнейшим фактором трезвеннической борьбы деревни являлось распространение грамотности, просвещения в целом. Современники отмечали тягу крестьян к получению образования, к знаниям на рубеже XIX–XX вв. «Теперь цена грамотному человеку

выросла. Каждый клочок печатной бумаги тщательно приберегается, прочитывается и обсуждается», – писал С.В. Аникин об отношении к грамотности в деревне в начале XX века [1, с. 52-53].

Влияние добросовестного сельского учителя трудно переоценить. Педагог Н.Ф. Бунаков привел рассказ крестьянина: «Пусть грамотен-то из книжек, да от учителя научится жить по Божьему. Ныне какие времена-то настали: стариков не слушают, с ребячьих лет вином зашибаются да трубку сосут, на слове не крепки, работать ленивы, ты ему слово, а он тебе десять – разве так можно, разве это по Божьему? – Эх ты, дед, сомневается другой мужик, – разве этому в школе можно выучить? – А то где же, как не в школе? ... Вот я тебе пример укажу. Приехали к барину плугари с Чертковских хуторов. Договорились, условие написали, поднесли как следует. А с ними паренек, лет под двадцать, и ему подносят. На том благодарю, говорит, а вина не потребляю, учился я в училище, так учитель наш, Порфир Ермолаич, наказывал нам вина не пить, ну и не пью» [2, с. 8].

По словам К.Р. Качоровского, относящимся к началу XX века, под влиянием школ и распространения грамотности произошло

«значительное отрезвление сходов» [7, стб. 221].

Обращаясь к теме обрядового пьянства в деревне, приуроченного к семейным и религиозным праздникам, отметим, что во многом широкие гуляния были обусловлены отсутствием доступных более культурных альтернатив досуга. О том, что потребление алкогольных напитков как способ проведения праздничных дней по большей части – безысходность, чем целенаправленный выбор, писал барон В.Е. Менгден. «Наш крестьянин по своей натуре вовсе не пьяница, его в большинстве случаев легко удерживать от водки, но этим делом некому заняться, да зачастую никто и не хочет», – отмечал он [9, с. 13].

Менгден приводил в пример собственный опыт, когда он вместе с приходским священником и учителем на престольный праздник Покрова в селе устроил чтение с туманными картинами (волшебным фонарем) и граммофоном. По его словам, мероприятие, проходившее в волостном правлении, собрало массу народа. «Но что меня порадовало, что в этот день мы пьяных почти не видели, явились, правда, трое, но их сами крестьяне моментально убрали. По окончании крестьяне просили и на другой день повторить, что мы охотно и исполнили. ... Крестьяне же после благо-

дали, говоря, что праздник прошел хорошо и деньги сохранились», – писал Менгден [9, с. 13].

Тем не менее, ошибочно было бы видеть в распространении просвещения некую панацею от излишнего потребления алкоголя. Известный русский поэт и успешный сельский хозяин пореформенной России А.А. Фет писал, что «грамотность, как простая техника чтения, вещь полезная и пригодная в жизни, но видеть в ней какой-то амулет от порчи и безнравственности мы просто *non possum*. Сравнительное большинство беспросыпных пьяниц – заштатные чиновники, писаря и бывшие дворовые, более грамотные, чем крестьяне» [21, с. 295].

Кроме того, в арсенале деревни, боровшейся с чрезмерным потреблением спиртного, имелась масса разнообразнейших средств, подчас вызывающих противоречивые чувства, но в то же время безусловно вписывавшихся в рамки крестьянского быта. Любопытны сведения, рассказывающие о сечении розгами, как о средстве от запоя и пьянства. Корреспондент «Нового времени» сообщал: «В двух волостях я в глаза и поименно знаю крестьян, излеченных розгой от пристрастия к водке, начавших трезвую жизнь и резко поправившихся в хозяйственном отноше-

нии». Здесь же приводились слова крестьянина, на которого подобная терапия подействовала положительным образом: «Перестал, не пью... Илья Григорьевич (старшина) отучили. Так принялись за меня, что хошь из села беги или от водки отставай» [11, с. 8].

Очень любопытны и показательны приговоры сельских и волостных судов в отношении проступков, совершенных на почве неумеренного потребления алкоголя. Так, имели место случаи, когда судьи наказывали не только провинившуюся сторону, но даже свидетелей, явившихся в суд в нетрезвом виде [4, с. 230].

Стоит отметить, что, несмотря на выгодность содержания питьевого заведения, или даже шинка, данная деятельность критически рассматривалась крестьянами с моральных позиций. Митрополит Вениамин (Федченков), выходец из смоленских крестьян, описывал следующий эпизод. В его детские годы родители, оказавшись в тяжелом финансовом положении, были вынуждены открыть в селе винную лавку, ежегодно выплачивая сельскому обществу 100 рублей, при этом выручая сумму в 3-4 раза большую. Однажды у Федченковых появился конкурент, предложивший обществу сумму годовой компенсации на 25 рублей больше.

Крестьяне готовы были оставить право торговли вином в селе за Федченковыми, при условии повышения платы до 110 рублей. Мать будущего церковного иерарха засомневалась и решила посоветоваться с сыном:

– Как ты сынок, думаешь?

– Мамочка бросим это дело.

Нехорошее оно! Грех!

– Чем же жить?

– Бог поможет за это как-нибудь.

– Ну, хорошо, пойду, откажусь!

И отказалась, слава Богу. А летом отец нашел себе старую конторскую работу...» [10, с. 63].

А.А. Фет приводил также следующие слова крестьян, касающиеся потребления водки еще в 1860-х годах: «Да пропади она пропастью. Мы подписку дадим, чтобы вовек ее у нас и не было. Заведи кабаки, так от них, пожалуй, неровен час, и деревня слетит, а теперь их кругом, куда ни сунься» [21, с. 227].

Отдельно стоит сказать о том, что в рассматриваемый период в деревенской среде постепенно, еще до введения серьезных ограничений на продажу спиртного в 1914 году, стало распространяться такое явление, как трезвенничество, когда как отдельные крестьяне, так и целые семьи и сельские общества,

принимали решение по моральным и экономическим причинам полностью отказаться от употребления алкогольных напитков. Писатель из крестьян С.Т. Семенов писал применительно к 1890-м годам следующее: «В нашей деревне не было мирского пьянства. Причиной этому было то, что у нас уже несколько лет ходил старостой очень умный, хозяйственный и трезвый мужик, Степан Астафьев. Он за все время своего хождения не допускал ни одной выпивки на мирские деньги» [19, с. 66].

О распространении в крестьянской среде людей, дававших зарок не употреблять алкоголь, сообщают и материалы членов Русского Географического Общества. Том второй «Полного географического описания нашего Отечества», посвященный описанию населения черноземного региона, сообщает о том, что в крестьянской среде «стали появляться отдельные личности – трезвенники, дающие добровольный зарок не пить “вина”, от которого все “худое” – и бедность, и болезнь, и грех – “происходит”» [18, с. 184].

Крестьянин-мемуарист М.П. Новиков, уроженец Тульской губернии, последователь учения Л.Н. Толстого, отмечал роль в сельском обществе тех людей, кто полностью отказался от потребления

спиртного. В крестьянской среде по итогам решения различных общественных дел было принято пропивать миром часть общественных средств. Новиков описывал, как влияло на крестьян требование непьющих соседей выдать им их долю деньгами: «... как-то само собой случилось, что мужики стали меня стесняться и не при всяком случае выпивать четвертную или полведра». И далее он продолжал: «Даже при весенних общественных молебнах о дожде и погоде, когда так твердо верилось, что если не выпить после молебствия, то не пойдет и дождь, и в таких случаях стали стесняться. Надо было пропивать общественные деньги, а мы, непьющие, и тут требуем свою долю деньгами. Так и расстраивалась всякий раз освященная веками общественная пьянка» [12, с. 193].

Однако приверженцы абсолютной трезвости не всегда находили понимание в деревне среди своих односельчан, где все еще сильны были позиции обрядового потребления алкоголя, освященного традицией.

Так, выходец из крестьянства И.Я. Столяров, уроженец села Карачун Задонского уезда Воронежской губернии в своих «Записках» описывает следующий эпизод. В юном возрасте после неудачных первых опытов употребления алко-

голя, Столяров решил вообще отказаться от него. По воспоминаниям автора, за это радикальное решение односельчане подвергли его своеобразному ostrakizmu: «В течение более двадцати лет я не выпил ни капли водки. Это было трудно, так как мои товарищи смеялись надо мной за мой отказ присоединиться к ним, когда представлялся случай. Женщины ехидно и иногда жестоко поднимали на смех мою трезвость, а мужчины называли “бабой”» [20, с. 385]. Такая реакция односельчан Столярова вызвана, однако, стоит полагать, не самим фактом его отказа от употребления водки, а тем, что посредством этого отказа он, по мнению крестьян, противопоставлял себя сельскому обществу, где достаточно сильны были всегда коллективистские тенденции. Священник Петр Миртов сообщал, что имели место случаи тайной записи крестьян в общества трезвости из-за опасений преследования со стороны пьющих односельчан [14, с. 1173].

В целом, наиболее сознательная часть крестьянства к началу XX века начинала осознавать вред, наносимый им от потребления алкоголя даже при установленных традицией поводах – престолах и свадьбах. Борьба с пьянством в долгосрочной перспективе заключалась в распространении образо-

вания в деревне, знакомстве ее с различными культурными достижениями. Трудно, в этой связи, переоценить роль авторитетного сельского учителя в деле воспитания молодого крестьянского поколения. В ближайшей перспективе желание избавиться от алкогольных соблазнов выражалось в принятии решения о закрытии на территории села питейного заведения, или же в коллективном или личном полном отказе от употребления спиртных напитков навсегда или на какой-либо конкретный промежуток времени. В первом случае навстречу желаниям крестьян неохотно шли чиновники финансового ведомства, подсчитывавшие убытки для казенного хозяйства от закрытия в селе государственной винной лавки.

Во втором случае далеко не всегда все члены общины были солидарны с теми, кто решил положить конец потреблению алкоголя. Традиционные установки, предписывавшие крестьянам широким разгулом сопровождать знаменательные события семейной и церковной жизни, пусть и ценой траты значительных денежных средств и нанесения ущерба здоровью, очень непросто преодолевались в деревне. Но при этом общинники, твердо стоявшие на своем в деле отказа от потребления спиртного, со време-

нем, как правило, начинали вызывать у односельчан не чувство неприязни, а уважение, и даже жела-

ние подражания, так как плоды трезвости в виде материального преуспевания были очевидны.

Список литературы

1. Аникин С.В. По родным местам (из наблюдений бывшего депутата) // Русское богатство. 1907. № 1.
2. Бунаков Н.Ф. Сельская школа и народная жизнь. Наблюдения и заметки сельского учителя. СПб., 1906.
3. Государственная дума. Третий созыв. Стенографические отчеты. Сессия первая. Ч. 1. СПб., 1908.
4. Земцов Л.И. Крестьянский самосуд: правовые основы и деятельность волостных судов в пореформенной России (60-80-е гг. XIX в.). Воронеж, 2007.
5. Казенная продажа вина. Издание Главного управления неокладных сборов и казенной продажи питей. Под ред. Н.О. Осипова. СПб., 1900.
6. Канель В.Я. Алкоголизм и борьба с ним. М., 1914.
7. Качоровский К.Р. Жизнь деревни // Ежемесячный журнал. 1915. № 8.
8. Коровин А.М. Движение трезвости в России. СПб., 1900.
9. Менгден В.Е. Проект сельскохозяйственной школы и ее обеспечение. Пожар и пьянство как бичи деревни. М., 1909.
10. Мит. Вениамин (Федченков). На рубеже двух эпох. М., 1994.
11. Михайловский В.Я. Друзьям трезвости. Винопитие детей, отроков и отроковиц. СПб., 1891. № 6.
12. Новиков М.П. Из пережитого. М., 2004.
13. Одобренный Государственной думой проект закона о мерах борьбы с пьянством с изменениями, дополнениями и мотивами Совещания для рассмотрения законопроектов Постоянной комиссии по вопросу об алкоголизме. СПб., 1913.
14. Прот. Н. Миртов. Народное пьянство и современная борьба духовенства за трезвость по данным анкеты, произведенной Александро-Невским обществом трезвости // Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с пьянством. В 3 т. СПб., 1910. Т. 3.
15. Рождественский И.И. К вопросу о пьянстве в земледельческой деревне. М., 1914.
16. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 575. Оп. 6. Д. 827.
17. Россия. 1913 год. Документально-статистический справочник. СПб., 1995.

18. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Под ред. В.П. Семенова. Т. 2. СПб., 1902.
19. Семенов С.Т. Двадцать пять лет в деревне. Пг., 1915.
20. Столяров И.Я. Записки русского крестьянина // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., 1989.
21. Фет А.А. Жизнь Степановки, или Лирическое хозяйство. М., 2001.
22. Челышев М.Д. Речи, произнесенные в Третьей Государственной Думе, о необходимости борьбы с пьянством и по другим вопросам. СПб., 1912.

References

1. Anikin S.V. Po rodny'm mestam (iz nablyudenij by'vshego deputata) // Russkoe bogatstvo. 1907. № 1.
2. Bunakov N.F. Sel'skaya shkola i narodnaya zhizn'. Nablyudeniya i zametki sel'skogo uchitelya. SPb., 1906.
3. Gosudarstvennaya дума. Tretij sozy'v. Stenograficheskie otchety'. Sessiya pervaya. Ch. 1. SPb., 1908.
4. Zemcov L.I. Krest'yanskij samosud: pravovy'e osnovy' i deyatel'nost' vo-lostny'x sudov v poreformennoj Rossii (60-80-e gg. XIX v.). Voronezh, 2007.
5. Kazennaya prodazha vina. Izdanie Glavnogo upravleniya neokladny'x sborov i kazennoj prodazhi pitej. Pod red. N.O. Osipova. SPb., 1900.
6. Kanel' V.Ya. Alkogolizm i bor'ba s nim. M., 1914.
7. Kachorovskij K.R. Zhizn' derevni // Ezhemesyachny'j zhurnal. 1915. № 8.
8. Korovin A.M. Dvizhenie trezvosti v Rossii. SPb., 1900.
9. Mengden V.E. Proekt sel'skoxozyajstvennoj shkoly' i ee obespechenie. Pozhar i p'yanstvo kak bichi derevni. M., 1909.
10. Mit. Veniamin (Fedchenkov). Na rubezhe dvux e'pox. M., 1994.
11. Mixajlovskij V.Ya. Druz'yam trezvosti. Vinopitie detej, otrokov i ot-rokovic. SPb., 1891. № 6.
12. Novikov M.P. Iz perezhitogo. M., 2004.
13. Odobrenny'j Gosudarstvennoj dumoj proekt zakona o merax bor'by' s p'yanstvom s izmeneniyami, dopolneniyami i motivami Soveshhaniya dlya rassmotreniya zakonoproektov Postoyannoj komissii po voprosu ob alkogolizme. SPb., 1913.
14. Prot. N. Mirtov. Narodnoe p'yanstvo i sovremennaya bor'ba duxovenstva za trezvost' po danny'm ankety', proizvedennoj Aleksandro-Nevskim obshhestvom trezvosti // Trudy' Pervogo Vserossijskogo s"ezda po bor'be s p'yanstvom. V 3 t. SPb., 1910. T. 3.
15. Rozhdestvenskij I.I. K voprosu o p'yanstve v zemledel'cheskoj derevne. M., 1914.

16. Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arxiv (RGIA). F. 575. Op. 6. D. 827.
17. Rossiya. 1913 god. Dokumental'no-statističeskij spravocnik. SPb., 1995.
18. Rossiya. Polnoe geografičeskoe opisanie našego Otechestva. Pod red. V.P. Semenova. T. 2. SPb., 1902.
19. Semenov S.T. Dvadcat' pyat' let v derevne. Pg., 1915.
20. Stolyarov I.Ya. Zapiski russkogo krest'yanina // Zapiski ochevidca: Vos-pominaniya, dnevniki, pis'ma. M., 1989.
21. Fet A.A. Zhizn' Stepanovki, ili Liričeskoe xozyajstvo. M., 2001.
22. Chely'shev M.D. Rechi, proiznesenny'e v Tret'ej Gosudarstvennoj Dume, o neobxodimosti bor'by' s p'yanstvom i po drugim voprosam. SPb., 1912.